

шими образъ правленія или возбуждившими движеніе народа, уже не можетъ быть разсматриваема, какъ причина. А между тѣмъ,—заключаетъ гр. Толстой,—*прежняя исторія продолжаетъ изучаться наравнѣ съ законами статистики, географіи, политической экономіи, сравнительной филологіи и геологіи, прямо противорѣчащими ея положеніямъ*» (VI, 287—288). Не разбирая здѣсь недоразумѣнія, вытекающаго изъ невѣрнаго примѣненія понятія о законѣ къ исторіи, можно указать на то, что исторіографія давнымъ-давно не ищетъ причины явленій въ свободной (въ смыслѣ безпричинности) волѣ и именно обращается къ изученію причинъ и условій географическихъ, этнографическихъ, политическихъ, экономическихъ и т. п.

Разумѣя подъ закономъ непостижимое отношеніе, существующее всегда между двумя опредѣленными явленіями (напр., спросомъ и предложеніемъ въ народномъ хозяйствѣ), что можно было бы однако назвать силою обстоятельствъ въ данную минуту,—гр. Толстой рекомендуетъ замѣнить вообще «отысканіе причинъ—отысканіемъ законовъ» (VI, 286 и 287), находя даже, что понятіе причины неприменимо въ исторіи (VI, 265): *«причинъ историческаго событія нѣтъ,—говоритъ онъ,—и не можетъ быть, кромѣ единовременной причины всѣхъ причинъ, но есть законы, управляющіе событіями, отчасти неизвѣстные, отчасти оцѣпываемые нами*» (V, 257). Этотъ странный тезисъ объясняется, повидимому, смѣшеніемъ понятій причины какъ совокупности условій, произведшей явленія, и причины, какъ чего-то другого, напр., движущей силы; по крайней мѣрѣ, причинъ въ первомъ смыслѣ онъ не отрицаетъ, указывая, напр., на неисчислимость причинъ каждаго историческаго событія: *«чѣмъ больше,—говоритъ онъ,—мы углубляемся въ изы-*